

Самойлова Людмила Юрьевна
Самойлов Геннадий Николаевич

Воспоминания бывшего солдата

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Геннадий Самойлов

Воспоминания бывшего солдата

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Самойлов Г. Н.

Воспоминания бывшего солдата / Г. Н. Самойлов — «ЛитРес:
Самиздат», 2020

Книга содержит пересказ воспоминаний старого солдата. Содержит
нецензурную брань.

Геннадий Самойлов, Людмила Самойлова

Воспоминания бывшего солдата

Я в детстве не был избалован вниманием. Зато хорошо знал цену тычкам, оплеухам, окрикам и тому подобным «радостям». Возможно, поэтому и не хотел идти в армию. Что-то мнилось там сродни моему детскому воспитанию. А если учесть, что я занимался парашютным спортом, перелетал через коня, делал запросто на турнике подъем с переворотом, занимался легкой атлетикой, отлично стрелял (дома была спортивная мелкашка) то, в общем, я был уверен, что окажись моя Родина в опасности, к ее защите я уже готов и без армии. Взяв все вышесказанное во внимание, я пошел работать туда, где была бронь, в НИИ приборостроения, секретный институт. Пробыл я там не больше полугода. Мастер, малый с накрученным белобрсым коком и отращенным ногтем на мизинце помыкал нами как своими холопьями. Играет он со своим холуем в конце смены в карты. И бросает мне через плечо: «Самойлов, прибири свой и его станок. Мне бы подумать, прежде чем выпалить: «А не пошел бы ты на х...й». Но слово, что воробей, уже вылетело (да и то сказать, чего стоило держать того воробья полгода). На следующий день с меня сняли бронь. Я успел еще поработать на большом заводе художником. Запись в военном билете «гражданская специальность художник» в армии мне помогла.

Забрили меня в ВДВ в ноябре 1967 года. Ночью нас высадили в центре Каунаса (привет, свободная Литва) и погнали пешим строем на окраину города в полк. Там согнали в спортивный зал, обрили наголо, измерили ногу и рост и отправили в баню. Вода, почему-то была холодной, хотя при бане стояла топка. Потом я перестал удивляться, так как в дальнейшем мы мылись в бане только холодной водой (кроме одного случая, я о нем обязательно расскажу). Меня приучили не удивляться, но трудно приучить стоять под холодным душем, и делать вид, будто в настоящей бане. Возможно, нашим командирам казалось, что это отличный способ закалить дух десантника. При входе в раздевалку стоял солдатик с длинной палкой, на конце которой топорщилась мочало. Он окунал мочало в ведро с вонючим содержимым и тыкал каждому новобранцу в подмышки и в пах. Нас продезинфицировали. Затем всем принесли форму: кальсоны, рубашку, гимнастерку, галифе и портянки. Одна портянка была нормальная, а вторая с мужской носовой платок. Я потребовал нормальную портянку и мне дали. Но это был первый и последний раз, когда я что-то требовал. В армии очень быстро отучали требовать. Что дали, то и носи. Мне не повезло с портянками, зато очень повезло с настоящим кожаным ремнем. Я сумел его сохранить и от салага и главное от дембелей. Явиться домой в настоящем кожаном ремне, это ли не шик. А отнять у салаги сам бог велит.

Нас выгнали на улицу. Пока мы мылись и одевались, выпал первый снег. В гимнастерках было зябко. Под дикий матерный крик началось построение. Здесь и далее без примитивного, состоявшего, как правило, из трех, четырех бранных слов мата, боюсь, обойтись будет трудно. Дело в том, что он составляет основу убогой армейской лексики. «Ебанные салаги, стойте как бараны, б...я». Мы посмотрели друг на друга и расхохотались. Инкубаторская обезличка после гражданки показалась нам очень смешной. Дальше уже было не смешно. Здесь в первом строю нам объяснили наш статус – ебанный салага. Построив, нас повели в столовую. Впредь нас заставляли забыть, что каждый из нас особь. Нас собьют в строй, в массу. В шеренгу, затылок, шагом, бегом, но все вместе. Стер ногу, отстал, вернут за тобой остальных казалось бы, нормального отправить на перевязку, но тогда другие тоже начнут нарочно сбивать ногу, чтобы на минуту, на полчаса вырваться из строя. «Что, б...я, ебанный салага, портянки не научился мотать? Взвод, строй, кругом. За Петровым, Ивановым». И взвод будет тебя пинать, толкать, чтобы иметь возможность перевести дыхание.

Итак, строем идем в столовую. Нам раздали мятые, алюминиевые миски. От не отмытого жира они скользили в руках. В них плавала голубая, полу проваренная и кое-как толченая картошка. Во всем этом лежал кусок сухой вареной рыбы. Мы попробовали и отодвинули миски. У каждого из нас еще оставалась сумка с домашней снедью. Когда через несколько лет жена позвала обедать и предложила пюре, я заорал как ненормальный, что «пюрку» не буду. Она меня еле уговорила попробовать, говоря: «Так это же не «пюрка», да это пюре».

В карантине перво-наперво у нас забрали деньги на покупку гуталина, сапожных щеток, белой ткани для подворотничков, ниток, иголок, эмблем на погоны, звездочек на фуражку, шапку, пилотку, лычек на погоны. Почему-то никто не спросил, с какого мороза мы должны за все платить из своего кармана. После ночного марша нам приказали до обеда отдыхать, не выдав постельного белья, одеял подушек. Далеко не на всех кроватях лежали матрасы, тогда я еще не запомнил одного из положений устава: «Солдат должен стойко переносить все тягость военной службы», Все постельные принадлежности появились к вечеру. Карантин был нужен для того, чтобы мы поняли все команды и все премудрости строевой службы. По ночам наведывались дембеля и воровали то, что им могло пригодиться. В первую очередь новые сапоги, ремни, наручные часы. А утром бес сапожному солдату выдавали его порцию! «Ебанный салага, б...ть, босиком маршировать будешь. Вместе с порцией мата старшина бросал подменку, и солдатик полгода мучился в латаных, перелатанных, стоптанных сапогах, новые выдали через полгода. У меня дважды воровали шинель, считали, что я ее как-то по-особому ушиваю. Мой секрет был прост, я шинель не подрезал, так как в длинной казался выше и стройнее. Воровство было всеобщим и отчасти вынужденным. При утреннем строе офицер мне приказал: «Плохо побрился. Но успел выбриться за три минуты, и в строй», я побежал в казарму, в моем ящике станка не нашел. Увели. Залез в соседний ящик и побрился, так и я вошел в воровское сообщество. Но успел выбриться за три минуты и встать в строй. Варианта не было. Было бы, не успею я, два наряда вне очереди. После карантина начался, новый этап службы. Кто-то попал на блатные места: в свинарник, киномехаником и в особую касту полковых писарей, после пражских событий из всех солдат только один получил медаль «За боевые заслуги». Это был полковой писарь. Я решил остаться в артиллерийской батарее, куда попал мой московский дружок. Мне пришлось дать честное слово комбату Строкову (в дальнейшем буду его называть просто по фамилии), что не уйду в художники или писари. Батарея только назывались артиллеристской, на самом деле вместо пушек были противотанковые гранатометы, со стволом два метра, на больших колесах.

В карантине сержанты вводили нас в курс дела. «Здесь вы все одинаковые, наряды всем не дают. Живете в ус не дуете, вот когда попадете в роту «поймете службу». Что такое «Понять службу» я узнал в роте.

Я попал в батарею наводчиком. Это должность ефрейтора. Само собой лычку я купил тоже за свои деньги. Повторять, бесконечные построения лучший способ вышибания мозгов. Подъем! Стройся! Бегом на построение на улицу. На улице стройся, Ты только открыл глаза и уже в хаотичной массе. Замешкался. Командир расчета сержант Венгер орет: «Ты чего», «Я подумал», «Подумал, салага ебанный», тебе здесь думать не надо, за тебя командир подумает, запомни, ебанный салага, и вбей в свою тупую башку, главное правило, «не можешь, научим, не хочешь, заставим, все твое дело службу понять». Тот, кто думает, что понять службу требуется умственное напряжение, совсем глупенький. Понять службу – прежде всего, застелить сержанту постель. Не понял, два наряда, вне очереди. Почистить ему же сапоги, опять не понял, еще два наряда, отдать большую часть своего масла. Старикам не отдал, значит, совсем не понял. Наказание неминуемо. Чтобы было понятно тем, кто не был в армии, очередной наряд, это работа: караульным, на кухне, чистишь туалет и т.д., но когда подходит твоя очередь, остальное время ты спишь. Два наряда вне очереди, ты после отбоя два дня подряд полночи не спишь. Если нарядов набирается много, то начинается хроническая бессонница.

Еще надо сказать, за неубранную постель сержант наряд не дает, а вот за натуго затянутый, ремень, невычищенные до блеска саги, получай наряд. Причину всегда можно найти. С сержантом Венгером у меня отношение не заладилось сразу. Все сержанты и Венгер в том числе требовали обращения на Вы и «товарищ сержант». Я этого категорически не делал. Почему я откровенное желобье, которое хочет об меня вытереть ноги должен уважать и называть своими товарищами, тем более, что обращение на Вы и «товарищ, не прописано ни в одном уставе.

На объявление двух нарядов вне очереди, я должен был ответить: «Если два наряда», но отвечал, «служу Советскому Союзу». Венгер взвизывался. Он вызнал, что мой день рождения 8 марта; «А!! восьмого марта будешь чистить полковой сортир», и я чистил. Полковой сортир – песня. Он был на улице. В казарме было тепло, и была канализация. Полковой – выгребной и двухэтажный. Очко сверху, а экскременты падали вниз, в бетонную комнату. Пирамиды дерьма подымались высоко, до самых очков. Все это предстояло выскрести, цепляя сапогами отходы. Ведь внизу оно подтаивало. Неделью от меня воняло.

Из-за недосыпов, я спал стоя. Спал на ходу. Ухитрился заснуть на марше в лесу. Однажды зимой нас с учений забрал грузовик, крытый брезентом. Мне нашлось местечко на маленьком сейфе офицерскими пистолетами. Ноги я положил на гранатомёты, спиной уперся на брезент. И впервые выпался за столь долгое время. Ехали долго, и я проснулся бодрым, как будто спал в мягкой постели. Из-за недосыпов я превратился в сомнамбулу. И только вопрос, зачем я здесь, что я здесь делаю, торчал в мозгу. А душу переполняла ненависть не только к Венгеру, не и к любому «старика», но и ко всем серой, тупой казенщине, в которой я оказался. Вечером подошел Венгер со своим: «Ну что салага, я тебе, б...ть, головой поставлю (это одно из небольшого набора казарменных выражений)». Вроде еще одного, вместо нормального «что», положено было говорить: «Каво?!» После отбоя я стоял дневальным. Проходящий «старик» от души ткнул кулаком мне в грудь. И тут во мне что-то перемкнуло, я схватил штык-нож и себя не помня, бросился на него. Находящиеся по близости похватили табуретки, и пошли на меня. «Что б...я, салага, «оборзел?». Я крикнул: «Суки, один из вас точно на дембель не уйдет». Кто-то из этих козлов остановил их: «Не трогайте его, сам сдохнет». Полночи я был настороже, ждал нападения, но рассосалось. Меня сменили, и я пошел спать.

Были показательные стрельбы. Наехало начальство. Лучшему командиру расчета за отличные попадания в фанерные танки дали бы отпуск. И Вернер с полным основанием надеялся его получить, тем более, что я был отличным наводчиком. Теперь все зависит от меня. И я не подкачал. Все три выстрела просвистели мимо цели. С этих стрельб мы стали врагами не на жизнь, а на смерть. Мое будущее окрасилось в непредсказуемые темные тона. Но тут жизнь мне посулила освобождение от Венгера. У одного из нашего расчета умерла мать, и осталось три малолетние сестры. Его демобилизовали, наш расчет распался. Командир батареи

меня назначил радистом и по совместительству писарем. От Венгера, мне, тем не менее, осталось память на все оставшийся годы. В декабре на плацу занимались строевой подготовкой. В шапках шинелях и варежках. Однако поступил приказ: «Художнику Самойлову варежки снять». С тех пор руки мерзнут в любую прохладную погоду, а теплая чашка или тарелка обжигают пальцы. Так вот возвращаюсь к новой работе. Я получил целую комнату в свое распоряжение. На дверях висела табличка «Канцелярия». Венгер повысили в звании, теперь он стал старшиной и имел свою отдельную каютку. Как этот тщедушный парень, неспособный подтянуться на турнике, взять полосу препятствий, получил власть над солдатами? Он ни с кем не курил, не выпивал, стало быть, ни с кем не общался. Ответ нашелся случайно. В канцелярию зашел Стрюков (солдаты, любя, называли его Стрючком).

Под сигаретный дымок я спросил его о Венгере, он мне ответил, за то, что он еврей, его здорово мордовали, в первый год службы. А я терпеть не могу антисемитов. Ты знаешь, кто самые храбрые, умные солдаты? «Евреи», Стрюков не замечал, что его выдвиженец с храбрыми и умными, имеет только одно общее – национальность.

Прыжки приходились, как правило, на зиму. Меня отнесло к самому краю площадки приземления. Подо мной оказался заброшенный яблоневый сад. Я повис на дереве вниз головой. Удалось отстегнуть все кроме лямки на правой ноге, можно было бы лямки разрезать ножом, но нож упал на землю. При безоблачном небе, все сверкало. Красотищу созерцаю вниз головой, при полном безлюдии. И уже когда наступила тоска от безысходности, я увидел двух солдат, собиравших куполы. Они услышали мои крики. Один бросил: «Пошли, ну его этого мудака». Но второй направился ко мне, доброта победила. Они дернули меня за стропы, и я воткнулся головой в снег. Нас учили прыгать на лес, двух связистов в их числе меня из-за тяжелых раций выбросили раньше других (упадем случайно на чей-то купол и погасим). Я оказался один, хорошо, литовские леса испещрены дорогами. И что интересно. В лесу никого не встретишь, но дороги накатаны. Содрав парашют, развел костерок, съел сух паек и двинулся по солнцу в сторону Каунаса. Через два или три часа, я бросил парашют на дороге. А от парашютной сумки нацарапал стрелу в Каунаса. К вечеру я набрел на хутор в лесу. Зная, что литовцы в колодцах хранят снесь, я к нему и направился. Только открыл крышку, услышал крик: «Курвас, блядос, десантас!». Смотрю, ко мне с вилами наперевес быстрым шагом направляются литовский мужик. Я позорно бежал. Тогда я впервые увидел, что на деревьях в лесу на перекрестках дорог вырезаны иконы. Это был лес-храм. Пришлось заночевать в лесу. Между двумя кострами навалил лапник, останками сигарет заглушил голод и про кантовался до утра. К вечеру вышел на шоссе и на попутках приехал в Каунас. В части появился через два дня к всеобщему удивлению, и услышал: «О, Самойлов, явился». А парашют мой позже нашли.

Так что же входило в мои обязанности батарейного писаря? Прежде всего, составление расписания занятий, Стрюков в расписание не вмешивался. Я старался не гонять батарею по морозу, а найти занятия в казарме. Не помню, чтобы кто-нибудь это заметил, и сказал спасибо. Еще в мои обязанности входило делать батарейную стенную газету. Вот с этой газетой и случился один раз казус. Сажу я в канцелярии ночью и рисую газету, входит Чигинев, второслужащий. Это был редкий парень. Он никогда не корчил из себя «старика». У него было полным полно времени оставаться в одиночестве. Он работал водителем, само собой и механиком. Маленький, перепачканный мазутом, и из-за мазанного лица смотрели добрые, вразумленные глаза. Так вот, входит этот самый Чигинев, вынимает из кармана бутылку водки, ставит на стол и тихо сообщает: «У меня сегодня день рождения». Как мы выпили, куда и когда делся Чигинев, ничего этого я не помнил. Проснулся утром до подъема от охватившего меня ужаса – «газета». Рванулся в канцелярию и о чудо. На столе лежит замечательно сделанная от первой до последней буквы газета. За всю мою армейскую службу не припомню большей радости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.